

Дом, который построил семью

Автор:

[Кара Брукинс](#)

Дом, который построил семью

Кара Брукинс

Кара Брукинс попала в сложные разрушающие отношения, долгое время они с детьми жили в страхе. Им нужно было убежище, и тогда Кара решила построить дом с помощью видеоуроков с YouTube. Их дом – свидетельство, что все возможно, если верить в себя.

Кара Брукинс

Дом, который построил семью

Cara Brookins

How a House Built a Family

Издано с разрешения Cara Brookins c/o Dystel, Goderich & Bourret LLC

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

* * *

Моим родителям, Вирджинии Барретт и Брюсу Путткаммеру, которые сказали мне, что я могу добиться чего угодно. Моя жизнь была бы куда проще – и гораздо скучнее, – если бы я вам не поверила.

Глава 1. Дом

Крепкий и надежный, наш дом твердо стоит на земле. Для нас – для меня и моих четверых детей – это чудо, столь же поразительное, как древний Колизей. Это наш дом в самом буквальном смысле слова. Мы построили его. Каждый гвоздь, каждый лист фанеры, каждая плашка паркета в нем прошли через наши руки. Мы передавали друг другу материалы, перекладывали их с места на место, устанавливали, отдирали и ставили заново. Нередко мы царапались о бетон и дерево или цеплялись волосами, и наши ДНК остались запечатанными в этих стенах. Иногда занозы и металлические стружки впивались нам под кожу. Такие частицы дома навсегда застряли в моей ладони и глубоко ушли в левую голень. Дом связал нас всех вместе болезненным и тугим узлом, и мы стали единым, неделимым целым.

Идея построить дом родилась у меня не от скуки, это был единственный способ восстановить мою расколовшуюся семью, приходившую в себя после столкновения с психической болезнью и физическим насилием. Оставить позади тяготы прошлого оказалось сложнее, чем мы предполагали.

Я искала какую-нибудь общую цель, которая связала бы нас вместе, что-то осмысленное, большое и значимое. Нам негде было жить, и одним осенним

вечером я представила себе, как мы работаем вместе, строя собственный дом, собирая маленькие детали и скрепляя их вместе, пока они не превратятся в нечто большее, чем мы сами. На следующий день я обсудила идею с тремя старшими детьми, и мы решили взяться за дело.

Я еще не знала, как монтировать двери и окна, как прокладывать в стенах трубы и провода, как рисовать чертежи и получать разрешения. Но я знала моих детей, и я знала, что нам это нужно.

Мы думали, что, если будем воспринимать строительство как возрождение нашей семьи, эта красивая метафора сделает легче и то, и другое. Мы верили, что мы на самом дне, а потому нам остается двигаться только вверх. Мы воображали, что будем чувствовать себя большими и сильными, справляясь с таким трудным делом.

Мы ошибались по всем пунктам.

Ничто не заставляет человека чувствовать себя слабее и беспомощнее, чем попытка справиться с задачей, сложность которой в тысячу раз превосходит его силы. Год, когда мы строили дом и восстанавливали семью после пережитого насилия, оказался самым тяжелым в нашей жизни. Мы понятия не имели, что такое дно, пока не достигли его в попытках добраться до вершины.

Но все же, доска за доской, мы закончили постройку. И когда мы это сделали, мы наконец обрели свой дом.

Глава 2. Плохие привычки

Мне было девятнадцать, и я уже полтора года как вышла замуж, когда родился мой первый ребенок, дочка Хоуп. Стоило мне взять ее на руки, и я поняла, что сделаю все, чтобы дать ей семью, в которой есть мама и папа. Мои собственные родители давно развелись, и я знала, как рухнет при этом мир ребенка. Неудивительно, что годы спустя, уже с тремя детьми-погодками, когда мой первый школьный возлюбленный бросил меня, стал военным и уехал покорять мир, я снова вышла замуж. Но вот когда я с трудом сбежала от Адама,

заболевшего шизофренией, и вскоре вышла за Мэтта, люди изумились.

Для кого-то тройка – это счастливое число. Но для других, особенно твердолобых, три раза – это ровно столько, сколько им нужно повторить, чтобы они выучили урок.

Мэтт был моложе меня, но сказал, что готов стать отцом моим детям – троим на тот момент – и завести со мной еще детей. Он имел склонность к контролю и манипулированию и начал проявлять жестокость уже через несколько месяцев после свадьбы. У него всегда находилась убедительная причина так себя вести, и она всегда была связана с тем, что я что-то делала неправильно. Но даже после того, как он начал крепко выпивать и экспериментировать с наркотиками, я считала, что ситуация наладится, что мы сможем быть счастливы и что золотая курочка не снесла для меня очередное тухлое яичко.

Каждый вечер я ложилась спать, ожидая, что проснусь и услышу его извинения, увижу счастливую семью и параллельный мир.

Но вместо этого меня будил звук его дыхания, неровный, хриплый, всего в пятнадцати сантиметрах от моего лица. Он втягивал каждый глоток воздуха сквозь зубы, а затем так же выталкивал его наружу. «Фи» шипел он на вдохе и «Фа» на выдохе. Сколько раз я слышала эти звуки? Слишком часто. Но мне было мало. И вот в очередной раз я лежала в постели, рука Мэтта все еще сжимала меня за горло, его перегар щипал глаза, и этот ритмичный звук разбудил меня незадолго до того, как я почувствовала, что его правая рука обхватила мою шею снизу, а левая сомкнулась сверху.

У этого будильника нет кнопки выключения. «Фи-фа. Фи-фа. Фи-фа».

Мое сердце отбивало дюжину ударов с каждым яростным вдохом. Мое собственное дыхание стало таким поверхностным, что я задумалась, не прекратила ли я дышать. Возможно, так было бы даже лучше. Он не пережимал мои дыхательные пути. Нет, нет. Он не пытался убить меня, бога ради. Я поняла это только на третий, а может, на четвертый раз. Да и зачем ему меня убивать. Он просто хотел дать мне понять, на что он способен. В любой момент, когда бы он ни захотел, он способен меня убить.

Капелька слюны вылетела у него изо рта и нежно, словно снежинка, приземлилась под моим левым глазом. Он сжал пальцы сильнее. Завтра снова придется надеть водолазку. Постирала ли я коричневую? Его большие пальцы оставят два идеально симметричных синих овала на левой стороне моей шеи, развернутые, словно крошечные крылья бабочки. Толстые подушечки пальцев оставят следы на другой стороне шеи, и синяк образует длинную неровную линию, больше похожую на очень голодную гусеницу.

Ты узнаешь, что такое настоящий ужас, не когда в тебя летит кулак во время спора и не когда тебя награждают подзатыльником за проступок. Такие вещи, по крайней мере, можно предвидеть. Настоящий ужас – это ложиться спать, думая, что все хорошо, вечером обычного дня, дня, когда вы смеялись за ужином, а потом смотрели вместе кино, – а потом проснуться от напоминания, что ты могла и не проснуться. Никогда, если он этого захочет.

Его нос и очертания челюсти казались незнакомыми в сумраке, словно его немецкое происхождение было записано чернилами, видимыми только при лунном свете.

Его рыжеватые светлые волосы, остриженные так коротко, словно он готовился к спецоперации, блестели от тонкого слоя пота. Если бы его руки в этот момент были свободны, то он бы провел тыльной стороной руки по голове и напряг бы сильные мускулы челюсти с тем выражением лица, которое когда-то заставило меня сказать: «Ого!» Его брови отбрасывали глубокую тень на глаза, словно он надел черную маску. Я пыталась представить, что его тонкие, рыжевато-желтые ресницы трепещут, что он подмигивает мне, намекая, что все это шутка. Просто розыгрыш. Левая сторона его рта приподнимется в притягательной кривой ухмылке, которая заставляла женщин хотеть его, а мужчин – хотеть быть им.

И словно он читал мои мысли, его рот и правда растянулся в полуулыбке, но в сочетании с напряженным взглядом темных глаз она казалась жестокой, а вовсе не шутливой.

Я замерла. И я надеялась. Я надеялась, что это будет одна из простых ночей, когда все, что ему нужно, – напомнить мне, как хрупка моя жизнь. Даже когда его пальцы сжались, и я поняла, что быстро он не успокоится, что ночь будет длинной, из тех, о которых он потом скажет, что ничего не помнит, даже тогда я на что-то надеялась. В основном на то, что не проснутся дети, мои прекрасные дети – ради них я и продолжала дышать в кольцо его рук.

Мои руки покалывало, мои нервы словно поджаривались на огне от того, как он давил на мою шею. Надежды умирали, и, признавая слабую разницу между надеждой и мечтой – примерно как между выигрышем в казино и в государственной лотерее, – я перешла к мечтам. Я мечтала о том, чтобы он стал таким, каким был всего несколько часов назад. Я мечтала, что смогу ему помочь избавиться от того, что его гнетет. Я мечтала перестать раз за разом проявлять слабость. А спустя три медленных вдоха и выдоха я позволила себе мечту, которую я прогоняла прежде: я мечтала о том, чтобы я могла схватить его за шею и сдавить ее... прямо... вот так.

Мое периферическое зрение начало отказывать, и я проигнорировала чудовищ, которые живут в этой тени, острозубых монстров реальности. Я никогда не смотрела в глаза тому, что на самом деле могло случиться. Его плечи дернулись: отпустить меня или окончательно придушить? На нем была его любимая нежно-голубая футболка, обтягивающая мягкая ткань подчеркивала сильные мышцы. Несколько часов назад я прижималась к ней щекой, запах его одеколona был мягким и приятным, Мэтт притянул меня к себе и обнял за талию. Я чувствовала себя любимой и защищенной. Я чувствовала себя дома.

Монстры реальности вылезли из своих темных щелей и заползли на кровать, шепча правдивые слова, и впервые я поняла, что хочу их выслушать.

Он подскочил и задрал руки над головой, словно вдруг испытал острое желание сделать зарядку. У меня заболел затылок, потому что он вырвал несколько прядей моих длинных кудрявых волос, зацепившихся за ремешок его часов. Некоторое время он нависал надо мной, словно тень Питера Пена, ведь разве могла быть человеком эта темная фигура с широкими плечами, раздавшимися во время игр в бейсбол в университете? Я перестала дышать, чтобы сохранить какую-то долю контроля над происходящим, и у меня так закружилась голова, что шум в ушах от прилившей к сосудам крови был громче его дыхания. Свежий воздух обжег мои легкие, и я неожиданно ощутила все мое остальное тело, которое до этого как будто исчезло.

Я мечтала о словах, объяснениях, обвинениях, о чем-то, что дало бы название происходящему, дало бы ответ на вопрос, почему обычный день превратился в кошмарную ночь. Конечно, водка сыграла свою роль, но дело было не только в ней. Многие люди выпивают понемногу и не хватают своих жен за тонкие шеи, лежа на смятых простынях цвета картона. Что-то было не так с его головой.

Спустя столько лет я, наконец, это поняла. И с моей-то головой, судя по моей вере в его способность исправиться, что-то было не так. Но с ним дела обстояли куда хуже.

– Ну все, это последняя соломинка, – сказал он.

Его излюбленное выражение всегда наводило меня на мысли о ледяном лимонаде в высоком бокале с дольками настоящего лимона и старомодной бумажной соломинкой в красную и белую полоску со следами помады. «Ну все, это последняя соломинка». Его руки коснулись висков, пальцы сжались, словно они могли пригладить его короткие волосы, а затем сдавили голову, пока она, наверное, не разболелась так же, как моя.

Я была так счастлива, что его проклятое «Фи-фа» закончилось, что порадовалась неизбежному возникновению соломинки. Хотя мой мозг взывал к истине, я знала, что лучше не спрашивать: «Какая еще соломинка? Что конкретно не так?» Потому что он знал ответ не лучше меня. Никто не хочет признавать собственную безумную иррациональную ярость – особенно безумные, иррациональные люди. Я сжала губы. Прикусила язык. Хранила молчание. Я знала, что это лучше, чем извиняться, соглашаться или вообще как-то проявлять себя.

– Не смей рыдать, Кара. Не надо спектаклей. Не изображай жертву. Не. Смей. Рыдать.

Я не плакала годами, если не считать, конечно, навернувшуюся на глаза слезу при просмотре душевного фильма. Но тут я все-таки заплакала. Не потому, что я испугалась. Конечно, я была напугана, но не это заставило меня заплакать. Моя шея болела, но мне приходилось и хуже, и я редко плачу просто потому, что что-то болит. Я рожала детей без обезболивающего и делала это так тихо, что доктора пугались за меня. Нет, я оплакивала свою старую мантру, потому что она в конце концов подвела меня. «На самом-то деле он хороший. И я люблю его, – всегда повторяла я себе. – Я люблю его достаточно сильно, чтобы остаться с ним».

Но впервые я больше не любила его. Я не любила его достаточно сильно, чтобы с ним оставаться. Я не ненавидела его, хотя знала, что смогла бы, если бы мне повезло родиться пессимисткой. Вместо этого я не испытывала к нему ничего.

Он превратился в большую, бесчувственную черную дыру в моей подкорке. Место, которое даже не болело, если ткнуть в него пальцем.

– Давай поговорим снаружи, – прошептала я, предполагая, что если дети не услышат его воплей, его угроз в этот раз, то они меньше пострадают, меньше будут бояться. А завтра подумают, что я надела водолазку не по необходимости.

Когда мы прошли через гостиную, я покосилась наверх, чтобы проверить, не смотрят ли дети на нас со второго этажа, но никого не увидела. Конечно, он еще не начал орать. Они не знали, что сегодня ночью нужно чего-то бояться. Да и с чего бы? Когда мы смотрели кино, Джада сидела на ковре, оплетая его пальцы ног и лодыжки пряжей, пока он не стал похож на живого ловца снов с перепончатыми ногами. Она заправила пряди своих длинных светлых волос за уши и рассмеялась лукавым смехом одиннадцатилетнего ребенка, который думает, что ему удалось кого-то безнаказанно одурачить. Джада была моей маленькой эльфийкой.

Мы ели вместе мороженое, угощая друг друга, пока капля мороженого не упала на его футболку. Тогда он переоделся в голубую, и я уютно устроилась у него под боком.

Но человек, который вышел вслед за мной, чтобы обсудить какую-то ерунду, был совершенно другим. Он заметил, что я высматриваю детей, и снова задышал сквозь зубы.

Стеклянная дверь с шумом закрылась позади него, и я рухнула в уличное кресло, прежде чем он придумал, что еще со мной сделать. Он стоял молча, неподвижно, как памятник, то ли планируя следующий ход, то ли вспоминая, как и я, что мы делаем на улице посреди ночи.

Запах южного воздуха всегда напоминал мне о школе в начале сентября. Я родом из Висконсина и так и не смогла полностью привыкнуть к еде, манерам и привычкам в окрестностях Литл-Рока, хотя я прожила в Арканзасе дольше, чем в любом другом штате.

Херши, мой коричневый лабрадор, выскочила через дверку для собак и стала ходить туда-сюда по крыльцу метрах в трех от нас. Было холодно, но я не обращала внимания на мурашки и представляла себе, как холодный воздух

нагревается и шипит от жара в его голове.

Так проявляла себя моя внутренняя оптимистка, делая вид, что прохладный воздух исцеляет безумие. Некоторые люди считают, что оптимистами и пессимистами становятся, но я всегда знала, что все обстоит по-другому. Мы принадлежим к одной из этих партий от рождения и до самой смерти. Партию оптимистов по ошибке считают превосходящей, но нам следовало бы вымереть, как велит Дарвин, еще сотни лет назад. Сколько бы жизнь ни подсказывала нам, что дело идет к апокалипсису, мы находим причины задержаться, надеясь и мечтая, в то время как более приспособленный к выживанию пессимист принял бы мудрое решение бежать. Бежать, словно тебя черти гонят.

- На ноги свои посмотри, - сказал он, скривившись от отвращения.

Я подтянула колени к груди и потерла ноги руками, чтобы казалось, будто я их согреваю, но при этом не казалось, что я жалуясь на холод. А потом я спрятала их под подолом моей короткой ночной рубашки. У его матери был женственный шестой размер ноги. Она могла примерять изящные туфли с витрины, пока я перерывала горы коробок в поисках восьмого размера, хотя на самом деле чувствовала себя удобно в девятом[1 - Американский шестой размер обуви - это российский тридцать пятый или тридцать шестой. Восьмой - это тридцать седьмой с половиной, а девятый соответствует российскому тридцать девятому. Здесь и далее прим. перев.]. Мне не нужно было смотреть на свои ноги, чтобы знать, насколько они уродливы.

- Ведь ты знаешь, как я пашу. И никто этого не ценит. Знаешь ведь, да? - Он снова стиснул руками виски, убрал руки и опять надавил, в ритм своему дыханию - убрал на вдохе, надавил на выдохе. - Прекрати. Ты должна перестать меня злить!

Он махнул рукой в сторону моей собаки, которая продолжала суетиться, поджимая хвост так, что он почти волочился по сухой осенней траве. Я представила себе, что за ней остается огненный след, и я никак не могла вспомнить, из какой это сказки. Или там была лиса? Тигр? Тигр с хвостом.

Но он говорил не о собаке. Она оставалась для него невидимой, чего и добивалась. Он говорил об идеях, которые пьянили его не хуже водки. Они были Большими. Всегда большими. Маленькие и средние идеи он оставлял другим

людям. Людям вроде меня.

– Я понимаю, как тебе тяжело.

За тоской в его взгляде скрывалось бешенство. Я представляла себе беспокойные нейроны, вспыхивающие внутри его мозга, и почти понимала, почему он каждые несколько месяцев топил их в водке.

Я придерживалась стандартного сценария:

– Может быть, тебе поменять работу. Посвятить себя чему-то новому.

Я махнула рукой, как и он, в сторону пустынного поля и леса за ним, хотя оттуда на нас могли смотреть только комары, которых не пугали мечущиеся в темноте летучие мыши.

– Проклятье! – он запрокинул голову. – Че-е-е-рт! – он растянул слово, длинное, длинное, словно песня звездам. – Обычная работа не для меня. Мне она никогда не подходила. Такая работа для моего отца.

Он трижды ткнул мне в грудь пальцем и на несколько ударов сердца, прищурившись, сосредоточился на ней:

– Тебе нужно снова попробовать принимать эти таблетки. Может, тебя тошнило от чего-то другого. Ты видела жену Шона? Ее сиськи выросли как минимум на размер.

Он помассировал в воздухе воображаемые груди, словно подходящее удобрение поможет им вырасти, как паре здоровенных баклажанов.

– Я попробую еще раз, – ответила я, как будто не выкинула розовые таблетки, которые он заказал в Chest Success, чтобы усовершенствовать мою неудачную грудь. В упаковке оказался подарочный пузырек духов с феромонами, украшенный изображением женщины, которая не нуждалась в таблетках для груди и явно не носила платьев размером больше носового платка. Наверное, она родилась без волос на теле и, несомненно, покупала обувь шестого размера. – Может, нам поспать? Я завтра утром провожу совещание по

программному обеспечению. Мне нужно быть в форме.

Я встала, улыбаясь, хотя он не улыбался, а затем обошла его и подошла к двери, держа руку за спиной, надеясь, мечтая, молясь, чтобы он взял меня за руку и прошел за мной в дом.

Он взял меня за руку и использовал ее как точку опоры, рычаг, чтобы швырнуть меня об стену. Крыльцо было обито сайдингом, а это лучше, чем кирпичные стены в остальном доме. Вот что я себе сказала, поворачиваясь боком, чтобы при следующем ударе врезаться в стену бедром. Это была привычка, которую я завела во время беременности. Каждый раз, когда тебя толкают в стену, защищай живот, защищай ребенка. Теперь я не носила ребенка, и синяки на животе получились бы куда меньше, чем на бедре, но от старых привычек сложно избавиться.

Глава 3. Камни и палки

Мама называла меня целеустремленной – типичным Тельцом, а бабушка была честнее: «Ты хочешь сказать – упертая как ослица». Даже когда мне исполнилось три и я делала вид, будто не понимаю их, я точно знала, что они имеют в виду, и я знала, что они правы.

Упорство не покидало меня во время моих неудачных романов. Я верила, что смогу все исправить, переждать плохие времена и внушить партнеру толику здравого смысла. Конечно, одновременно я строила тайные планы побега, копила деньги в коробке с тампонами под инструкцией, но тот факт, что все мои наличные можно было легко спрятать в коробочке тампонов, многое говорил о серьезности этих планов.

Я цеплялась за каждые отношения куда дольше, чем следовало, по миллиону маленьких причин, которые казались мне весомыми. Я достаточно упорна, чтобы всегда пытаться довести дело до конца, и я верю, что усердный труд помогает починить сломанное. Религиозные убеждения моей мамы были еще одной причиной, почему я оставалась, даже когда мне казалось, что я не выберусь живой. «Держись и молись», – сказала бы она. Развод без убедительных причин был прямой дорогой в ад. Но все же в первую очередь я оставалась из-за старого

лжеца по имени страх.

Мы с детьми провели много лет, ходя на цыпочках. Говорят, это отличная тренировка для ног, но она плохо сказывалась на нашей осанке, потому что нам приходилось пригибаться под ударами летящих в нас острых слов. Плохих моментов было слишком много, они перевешивали хорошие, но оптимизм давил крепким пальцем на весы. Я всегда останусь оптимисткой, но я наконец научилась узнавать себя в зеркале – можно сказать, что первый шаг из двенадцати пройден[2 - Программа «12 шагов» используется содружеством «Анонимных алкоголиков» и аналогичными организациями для зависимых людей. Первый шаг заключается в том, чтобы признать свое бессилие перед зависимостью.]. Когда я поняла, что оказалась в одиночестве, в униженном и безнадежном положении, которое зависимые люди, наверное, и называют «на дне», я, наконец, поверила, что где-то есть и вершина.

Мы развелись с Мэттом, и я считала, что этот решительный шаг поможет нам с детьми прийти в себя. Но и месяцы спустя моя старшая дочь, семнадцатилетняя Хоуп, все еще спала на полу у двери, чутко прислушиваясь. Она полностью соответствует стереотипам о старших детях. Хоуп видела больше других и всегда старалась защитить меня и младших детей. Она потрясающе красива, у нее изящный нос и длинные темные волосы. Ей бы еще 25–30 сантиметров роста к ее 158 сантиметрам, и она бы могла стать моделью, но внутри себя она выше многих из нас. Хоуп от природы рассудительна, организована, целеустремленна. Но в какой-то момент она ожесточилась. Был ли это один из ее двенадцати шагов? Или это стадия горя, а не восстановления? Правда, мы пытались исцелиться от дюжины травм зараз, так что имели право на любые эмоции. И пусть гнев Хоуп порой заставлял ее бросаться жестокими словами, лучше так, чем если бы она молчала.

Пятнадцатилетний Дрю носил оружейную гильзу в кармане и потаенный гнев в душе, и ему не хватало уверенности, чтобы чем-то из этого воспользоваться. Он больше всех молчал, и меня это ранило. Я видела, что в глубине его что-то кипит, пусть другие и не замечают. Он вымахал почти метр восемьдесят ростом и отпустил каштановые кудри, хотя раньше коротко подстригал волосы. Он был дьявольски хорош собой, но, чтобы использовать эту суперсилу, ему тоже не хватало уверенности. Мне он казался копией меня, только оптимизм в его крови был слабее. Получилась тревожная комбинация: в тишине не раздавался голосок, который бы мог его подбодрить. Он строил вокруг себя стену, и у меня оставалось очень мало времени, чтобы пробиться через нее.

Джада и Роман были самыми младшими, и могло даже показаться, что их не задело. Но в своем блокноте со стихами шестиклассница Джада рисовала слишком много радуг и солнечных лучей, писала слишком много всего оптимистичного при такой-то мрачной правде жизни. Возможно, мою эльфийскую девочку будет тяжелее всего исцелить. Я передала ей свой оптимизм в полной мере, словно наследственную болезнь.

Роман был маленьким, худеньким и запуганным и, как всякий двухлетний запуганный ребенок, нуждался в постоянном внимании и объятиях.

Эти четверо прекрасных зеленоглазых детей были для меня всем миром. Стремясь подарить им идеальную жизнь, я слишком большим значением наделяла отцовскую фигуру. Но сейчас я хваталась за последнюю соломинку. У меня была хорошая должность старшего системного аналитика, и я усердно работала над тем, чтобы стать писательницей. Тем не менее я не могла позволить себе тот большой дом, в котором мы жили, к тому же еще один мужчина повесил на меня свои долги. Наши финансы пели романсы, и закладки на дне коробки с тампонами надолго бы нам не хватило.

Нам оставалось только продать дом. Я говорила себе, что это к лучшему, пусть он и обошелся нам очень дорого. Мы все равно не чувствовали себя в нем как дома, и старшим детям было тут страшно. Возможно, им всегда было страшно, и я только воображала, что мое молчание их защищает их от правды. Проклятый оптимизм.

Как-то после заката холодной ноябрьской ночью я услышала громкий шепот Хоуп со второго этажа:

– Клянусь, я иногда вижу его. Он стоит в тени или смотрит ночью в кухонное окно.

– Кого? – фальшиво спросила я, и, прежде чем я успела извиниться, Дрю с топотом рванул вверх и хлопнул дверью своей комнаты. Я так долго притворялась, что часто забывала, как быть честной.

Хоуп закатила глаза, как это прекрасно умеют все семнадцатилетние девчонки.

– Кто там? – спросила Джада, которая выбежала вслед за Хоуп. Ее глаза сверкали, а с волос, завернутых в полотенце, капала вода на ночнушку, дырявую футболку с Гамби[З - Гамби – зеленый пластилиновый человечек из американского мультфильма.], которую я носила в средней школе и к которой девочка очень привязалась.

Я сердито уставилась на Хоуп, и она подняла руки, сдаваясь. Она не знала, что Джада уже вышла из душа.

– Мы говорили о курьере, – сказала я, привычно возвращаясь в шкуру притворщицы.

Джада, самый пугливый ребенок, которого я знаю, уже забыла, о чем речь. Она захихикала, обнаружив, что, пока она отцепляла правую руку Романа от уха Херши, он успел вцепиться в собаку левой. Схватка почти не нарушила сон лабрадора. Мы теперь разрешали собаке спать в гостиной, дружно согласившись, что ее нужно обезопасить от рыскающего в округе койота, вой которого мы слышали в лесу.

В эти годы мы боялись не только Мэтта. Мэтт был самым жестоким, но достаточно разумным, чтобы понимать, что я набралась храбрости и купила револьвер. Несмотря на все страшные ночи, когда он сжимал руки на моем горле, в моей памяти он уже стал маленьким и жалким человечком. Человеком, которого видела или вообразила Хоуп за окном, был мужчина, от которого мы ушли до Мэтта. Его звали Адам. Он преследовал нас, потому что двинулся рассудком и уже ничего не боялся. Когда-то он был вменяем. Он даже был гением. Но между гениальностью и помешательством грань действительно тонка, и он давным-давно ее перешел.

Именно он не давал нам прийти в себя. Из-за него мы так глубоко спрятались в собственные раковины, что не могли протянуть руку помощи даже друг другу.

Той осенью мы жили практически в тишине, ожидая продажи дома, ожидая начала новой жизни, ожидая, когда рассеются наши страхи.

Мы все были в таком напряжении, что никто из нас нормально не спал. Роман временно перебрался в мою кровать после того, как три ночи подряд я пролежала на полу возле его кровати, держа его за руку. Наверное, мы бы

высыпались все вместе, если бы у нас был огромный матрас и мы могли бы запереться в убежище на ночь. Жестокая ирония: теперь, когда опасные мужчины убрались из нашей жизни и нам не приходилось все время ловить тревожные сигналы в их поведении, мы все равно днем и ночью сохраняли бдительность, ожидая, что кто-то из них явится. Ожидая нового удара, который невозможно предсказать.

Вторник перед каникулами на День благодарения я провела в сборах перед побегом. Я держала эту идею в тайне не только от детей, я даже не стала записывать адрес лесного коттеджа, который арендовала в паре часов к северу от нас у подножия Озаркских гор. Пару недель назад там было красиво, пока листва еще не опала, но даже унылый пейзаж больше бы нас порадовал, чем вид из окна кухни.

– Что случилось? – спросила Хоуп, когда зашла в дом и увидела ряд чемоданов. Затем повторила: – Что случилось? – от дрожи ее голос срывался, казался резким и старушечьим. – Он что-то сделал? Он приходил сюда?

Я сбегала вниз по лестнице, едва не прокатившись по последним четырем ступенькам, когда увидела, как она побледнела.

– Ничего. Все в порядке. – Но я выглядела смущенной, так что ее это не убедило. Я подняла вверх обе руки. Сдаюсь. – Нам просто надо выбраться отсюда на пару дней, или мы сойдем с ума. Никто сюда не приходил. Ничего не случилось.

Она кивнула.

Дрю пнул свою спортивную сумку. С его точки зрения, все происходящее выглядело как побег, и ему это не нравилось.

– Куда? – спросил он.

Как давно он произносил что-либо вслух?

– Я скажу в машине, – я взмахнула руками. – У вас есть двадцать минут, чтобы собрать игрушки для тихих выходных. Одежду и все необходимое я упаковала.

Примерно через сорок минут после того, как мы выехали, а потом вернулись за туфлями Джады – как девочка может сесть в машину и не заметить, что на ней нет туфель, я никогда не пойму, – мы, наконец, отправились на север, прочь от нашего жилища, которое не было нашим домом. Дети сидели в креслах прямо, их глаза смотрели вперед, но мыслями они оставались позади.

Когда мы забыли, как правильно путешествовать? Когда мы забыли, как смеяться?

Джада оживила поездку, подключив телефон к радио и замучив нас ремиксами популярных песен в исполнении Элвина и бурундуков. Детские споры по поводу музыки – это верный признак семейного путешествия. Уже неплохо для начала. Я решила не приберегать мой фирменный фокус на случай неприятностей: мы и так были по уши в проблемах. «Doritos с сыром?» – спросила я, вынимая хрустящий пакет из-под пассажирского сиденья, где расположилась Хоуп и три сумки, которые не уместились в багажнике моей Honda Accord.

В последнее время мне не приходилось видеть их более счастливыми. Doritos были редким лакомством. Годы назад Адам запретил есть их в доме, потому что он терпеть не мог их запах. Даже после того, как он ушел, я все равно позволяла запаху чипсов напоминать мне о нем. Но нет. Мы избавимся от дурацких воображаемых ограничений. Машина наполнилась сырным кукурузным дыханием. Я улыбалась.

Когда дети наелись чипсами и прекратили жаловаться, они начали засыпать в стандартном порядке, от младших к старшим. Дрю любезно отключил музыку Джады прежде, чем ускользнуть в мир грез. Но только когда голова Хоуп опустилась на подушку, которую она просунула между ремнем безопасности и щекой, я поняла, что забыла сказать им, куда мы едем. Было жутковато, что никто из них не догадался об этом спросить. Сперва я улыбнулась, подумав, как же они мне доверяют, но затем поняла, что молчание свидетельствовало о кое-чем более грустном и серьезном. Они не спросили, куда мы едем, потому что это было неважно. Мы уезжали из места, где с нами происходило нечто плохое, так что координаты места, куда мы отправились, не имели значения.

Мы приближались к горам, и дорога стала холмистой и тенистой. Обычно осенние и зимние ранние закаты расстраивали меня, потому что мои производительные дневные часы становились все короче и короче. Но я превратилась в ночное существо, тень, которая чувствовала себя безопаснее

всего, когда ее никто не видит. Я кралась по дому, не включая свет, я запоминала, сколько шагов осталось до лестницы, и нащупывала рукой стену, чтобы не потеряться. Я привыкла читать под одеялом, иногда даже забиралась под него с ноутбуком и работала в теплом коконе, пахнущем озоном. Это была глупая привычка для взрослой женщины, но, как и в шесть лет, кокон из одеяла казался мне несокрушимой броней.

Отблески солнца оставались видны только на самых высоких точках, когда мы достигли Довера, штат Арканзас. Я начала замечать следы смерча, который прошелся по холмам весной. Дубы, заставшие Гражданскую войну, повалились в заросли более гибких и податливых деревьев, которые лучше перенесли удар стихии. Маленькие дома с разноцветными заплатками на крышах и недавно оборудованными противоторнадными укрытиями отмечали дорогу чудовища. Очаг, который когда-то согревал семью, теперь возвышался в конце длинной бетонной полосы, вычищенной так, что хоть устраивай на ней танцы.

Сразу за крутым поворотом, на вершине маленького холма, я увидела дом моей мечты. Он был двухэтажным, сложенным из коричневого кирпича с темными ставнями цвета шоколада. Высокие колонны крыльца придавали ему аристократический и очень южный вид. Большие клумбы, засаженные вечнозелеными растениями различных оттенков, украшали пешеходные дорожки.

Я повернула к дому и раскрыла рот от изумления. В доме, скорее всего, никто не жил, потому что торнадо сорвал большую часть крыши, а от окон остались лишь маленькие острые куски стекла, упорно державшиеся за рамы. Я спросила себя, вырвал ли их ветер или дело было в местных подростках и упаковке пива Budweiser в субботнюю ночь.

В одном из окон на втором этаже висела красная штора, где-то в тридцати сантиметрах под нижней балкой. Несмотря на ветер, она не двигалась. Эта картина напоминала кадр из фильма о постапокалиптическом мире или черно-белый снимок, на котором раскрасили центральную деталь. Солнце подсвечивало контуры здания, размывая детали. Вся сцена выглядела совершенно сюрреалистической.

Я не могла не выйти и не присмотреться. Неожиданно я почувствовала себя очень сильной, пуленепробиваемой – неуязвимой даже для последней соломинки. Дети не проснутся, если я оставлю двигатель включенным.

С западной стороны стена обвалилась почти по идеальной диагонали от крыши до фундамента. Но в комнате наверху, с красными шторами, стены уцелели, так что я не могла ее рассмотреть. Впрочем, я и так прекрасно знала эту комнату. За ней на втором этаже находилась детская, отделанная в розовых тонах – не пластиково-ярких, а старомодно-бледных. Там стояла кровать с кружевным пологом, и я вообразила, что на нем сидят куклы. Я также представила, что в детской есть игрушечный дом, который выглядит в точности как настоящий. Маленькая копия мечты. Это заставило меня улыбнуться.

В лучах заката главная спальня на первом этаже выглядела такой жилой, что я отвернулась, чувствуя себя любопытной Варварой, подглядывающей в чужие окна. Но я не могла удержаться. Я пошла в дом, чтобы присмотреться внимательнее. На полу и кровати в комнате лежали кирпичи, словно любимые ботинки, которые достали, чтобы упаковать для поездки в Арубу. За дверью висел пыльный красный халат, и это окончательно убедило меня в том, что здесь люди были не просто живы, но жили. Я захотела познакомиться с женщиной, которая повесила красные шторы и носила красный халат.

Нет, не так. Я хотела быть этой женщиной – сильной и отважной. Она бы никогда не позволила, чтобы все зашло так далеко, не смирилась бы с такой жалкой жизнью, никогда не предала бы свои мечты. Она бы встала и взялась за дело. Ее дом полностью принадлежал ей. Это был дом. Даже с обрушенными стенами он казался более безопасным, чем мой.

Сломанные брусья торчали со второго этажа, словно зубы, но, на мой взгляд, они скорее лениво зевали, чем готовились сомкнуться на чьей-то шее. Из края занозистой доски торчал длинный гвоздь, блестящий, как только что отчеканенная монета. Он выпал в мою руку чуть ли не раньше, чем я к нему прикоснулась, согретый солнцем и полный обещаний. Я положила его в карман и ткнула указательным пальцем в мягкий, как тесто, кусок гипсокартона, отметив для себя, насколько это хрупкий материал. Даже до того, как стену разрушили торнадо и дожди, она вряд ли была намного прочнее, чем мой кокон из одеяла.

Я подалась вперед и увидела, что семейное фото все еще аккуратно висит на стене, несмотря на то что сама стена едва держалась. Грязь так сильно облепила стекло, что видны были только силуэты, но я могла ясно различить этих людей мысленным взором. Мужчина, женщина, двое детей и собака. Женщина носила футболку с глубоким V-образным вырезом. Никаких водолазок.

Кэролин, вот как ее звали, или вот как я ее назвала, неважно. Это было сильное имя со своей историей. Женщина по имени Кэролин пересекла бы всю страну с востока на запад в дилижансе. Она бы шла вперед со своими детьми и буйволом, даже после того как ее муж умер от пневмонии во время зимней бури. Она бы построила собственную чертову хижину и завела бы огород, чтобы прокормить детей. Кто-то по имени Кэролин выжил бы.

Женщина по имени Кара тоже намеревалась выжить, пусть она и не сразу нашла в себе силы на это.

Мой взгляд привлекло что-то блестящее среди листьев и мусора, возле упавшей тумбочки. Украшение, подумала я, возможно, какая-то памятная вещь. Вероятно, что-то принадлежавшее Кэролин. Используя длинный обломок покрашенной в мятный цвет кровли, я откинула в сторону мусор. И увидела часы.

Тик-так. «Фи-фа».

Услышала ли я тиканье до того, как подняла часы? Нет, эти часы молчали. Тиканье, которое я услышала, раздавалось не в трех метрах от меня, а прямо у меня в ухе, как если бы рука, носившая часы, сжимала мое горло. Тиканье не принадлежало этому мирному, спящему дому. Я не хотела, чтобы оно было тут. Своей палкой для раскопок я подцепила маленький гнутый гвоздь, а им поймала часы, словно опасную, но знакомую рыбу. Стекло было разбито, обе стрелки остановились и показывали двенадцать. Полночь. Не в это ли время ударил смерч? Я точно не помнила.

Не прикасаясь к часам, я бросила их в мутную лужу и затолкала глубоко в мягкую землю моей палкой. Потом я положила на них кирпич и сверху еще три штуки. Памятник, могила, смерть эпохи.

Чувствуя себя легкой и полной достоинства, словно я оказала одинокому дому важную услугу, я вернулась к моей стене и заглянула внутрь. Тишина. Прекрасная и цельная. Гвоздь в моем кармане все еще казался теплым на ощупь, и я понимала, что мои мысли и поступки граничат с безумием. Но я так долго оставалась разумной в эпицентре безумия. Неужели мне нельзя слегка спятить, пока никто не видит, пока я полностью и совершенно одна впервые за бог знает сколько времени?

Комната казалась родной. Меня охватило желание войти внутрь и вымести оттуда мусор. Хотя я никогда не занималась серьезным ремонтом, я довольно хорошо знала, как пользоваться молотком, и понимала, что смогу починить стену, если захочу. Конструкция казалась простой: внутри гипсокартон, снаружи доски и кирпич. На самом деле мы с детьми могли бы починить все здание, снова сделать его домом, повесить кормушку для птиц за окном гостиной и построить будку для Херши под большим пеканом.

Смехотворная мысль, разумеется, но я безрассудно влюбилась в это место. Оно находилось в часах езды от школ детей и моей работы программисткой, и офиса газеты в Литл-Рок, где я подрабатывала. А что, если я найду другое такое же место, только еще ближе, еще ближе к совершенству?

Я развернулась и медленно пошла к машине, полная энергии и с улыбкой на лице. Что, если мы найдем не дом, разрушенный торнадо, а маленький участок земли, и просто построим именно такой дом, какой мы хотим? Я посмотрела назад. Точно такой же, как этот, меня вполне устроит.

Я выросла в Висконсине и рано научилась использовать топор, чтобы отрубить короткие ветки от деревьев, которые папа валил для костра. Я самостоятельно смастерила книжный шкаф в первом купленном доме, из куска фанеры я выпилила для детей игру, где нужно закидывать мячики в отверстия. Для строительства дома требуются те же самые навыки: отмерить, отрезать, прибить. Так почему бы мне не построить дом?

Я повешу красные шторы в спальне на втором этаже, чтобы они надежно спрятали меня от любопытных Варвар, и сделаю этот дом моим. В строительстве самое дорогое – не материалы, а труд.

Хотя мысль о себе и детях в роли строительной бригады казалась смешной, мне очень понравилась идея. Конечно, она выглядела немного дикой, но это был первый из придуманных мною планов, который казался реалистичным и соответствовал нашему ограниченному бюджету. Я знала, что мы можем это сделать. Строительство дома докажет, что мы сильны. Оно докажет, что, несмотря на то, как глупо я поступила, так долго живя с идиотами, я все еще кое-что соображаю. Стройка многое докажет – и в первую очередь то, что мы живы.

Дети проспали последний час пути, пока я воображала себе вещи, которые кажутся возможными только тем, кто совершенно физически и эмоционально вымотался в долгом пути. Белые полосы разметки гипнотизировали меня, словно послания в подсознание, в которых говорилось, что я супергероиня, что все возможно, что я молодец и я этого достойна.

– Вот мы и на месте! – пропела я, сдавая назад к тропе под старомодным указателем с вырезанным на нем названием «Пекановый рай». Я боролась с желанием сказать: «Мы дома». Кажется, у меня появилась новая привычка чувствовать себя как дома в любом месте, кроме собственного дома.

– Поход? – зевнул Дрю.

– Господи, только не это, – сказала Хоуп, прижавшись носом к стеклу.

– Поход! – закричала Джада, от чего Роман захихикал и начал размахивать ногами.

– Зефирки! – присоединился он.

– Нет, никаких палаток. У меня нет сил. Видите свет? – я указала вниз, по дороге в темноту. – Это наш домик в лесу. Там мы проведем каникулы.

Мои дети редко жаловались. Есть люди, играющие в игру «Нам-то еще лучше, чем некоторым», чтобы не падать духом. Вот и мои дети жили с постоянным настроением «В любой момент может стать хуже, так что это еще ничего». Им не нужны были игры, чтобы прекратить ныть.

Дрю тащил холодильник, а мы с девочками несли рюкзаки и сумки. Роман бежал рядом с нами по дорожке, изображая сову. «У-ху! У-ху! У-ху!» – ухал он, широко раскрывая глаза. Страх и восторг боролись за командование над его мозгом. Он никогда не бывал ночью в лесу. Каждый шорох заставлял его шагать немного быстрее, но он вырос достаточно самостоятельным, чтобы не цепляться за мои ноги.

После призрачного вопля, от которого и у меня по спине побежали мурашки, он вильнул поближе ко мне, засунул указательный палец в рот, и губы у него

задрожали. Мне пришлось поставить перед ним ультиматум: «Или я понесу тебя, или сумку с кексами, зайка. Я очень хочу есть, так что выбрать сложно». Дом уже виднелся впереди, поэтому Роман поспешил вперед, чтобы поравняться с Джадой и Дрю. Хоуп, моя девочка-девочка, замыкала наши ряды. Она была городской мышкой. Но она переживала не просто потому, что боялась лесных созданий. Она знала, что самая опасная часть игры в прятки заключается в том, что нам придется вернуться.

Мы ели, читали, ели, спали, а затем проснулись, чтобы еще поесть, прежде чем подремать утром. Когда мы успели так устать, что даже переодевание превратилось в тяжелый труд? Домик у подножия Озаркских гор был спокойным, идеальным местом, чтобы провести часы, разглядывая горы и обдумывая мое будущее. Ой, да кого я обманываю? Он бы стал таким местом, если бы не четверо неугомонных детей.

Я сидела за столом, составляя план дома из столовых приборов, когда Джада и Хоуп принялись в десятый раз за утро препираться. Я поняла, что начинаю мечтать о том, чтобы сбежать в горы и спрятаться за деревом, пока каникулы не закончатся. И тогда я вскочила и заорала так громко, что Дрю подпрыгнул: «Поиск сокровищ! Это вас немного встряхнет!» – и одарила их тем материнским взглядом, который означает, что выбора у вас нет.

Я схватила несколько полиэтиленовых пакетов: «Кто найдет самую интересную штуку, получит приз». Традицию поиска сокровищ вместо обычных прогулок когда-то давно ввела моя мама. Конечно, она, как и я, родилась оптимисткой. Этой осенью она осталась в Висконсине, навещала братьев и сестер. Моя мама была моей лучшей подругой – моей единственной подругой, – но даже она не знала всего, что происходило между мной и Мэттом, и Адамом. Стыд – лучший хранитель секретов.

Джада побежала первой, за ней поспешил Дрю, которому не хотелось вести со мной светские беседы. Хоуп присматривала за Романом, удерживая его на тропе и оттаскивая то от мохнатого нароста плесени, то от кучки какашек. Одновременно она планировала вслух роскошную рождественскую вечеринку. Организация праздников была ее коньком.

Когда Джада в слезах прибежала ко мне с разбитой коленкой, я обнаружила, что мой пакет полон до краев, а все остальные ничего не собрали. Роман зарыдал, поддерживая Джаду в ее горе. При этом он так отчаянно переигрывал, что я

невольно подумала: свой первый миллион он точно заработает не в Голливуде.

– Ты собрала дрова? – спросил Дрю, приподняв левую бровь, словно заметил, что его мать съехала с катушек.

– Нет. Я не... Я не уверена... – но затем я посмотрела на свой пакет, набитый ветками, и поняла, что именно я собиралась с ними сделать. А еще я вспомнила, что обманывать больше нельзя – особенно Дрю. – Я вдруг решила построить мой дом мечты. Помните ваш старый деревянный конструктор? Какие сложные домики мы из него строили?

Я нашла пластырь в моем маленьком рюкзаке и наклеила его на колено Джады. Она побежала вниз по тропе, не тратя времени на то, чтобы вытереть слезы или размотать подвернутую штанину.

Дрю ускорил шаг так, чтобы оказаться на полпути между Джадой и мной – достаточно далеко от меня, чтобы болтать было неудобно. Но затем он наклонился и подобрал ветку, сделал несколько шагов, поднял другую, а потом еще одну. Хоуп, видимо, завершила свой рождественский план и перешла к обсуждению идеального места для свадьбы на Рождество – не важно, что у нее не было бойфренда. Она даже учла винно-красные розы и приглашения, напечатанные на винтажной оберточной бумаге. В то же время Дрю наполнял свой пакет палками. Краем глаза я заметила, что и Хоуп их собирает. Остановите Землю, я сойду: Хоуп прикоснулась к чему-то нестерильному.

– Пись-пись, – сообщил Роман, схватившись за штаны и пританцовывая.

– Пора впервые пописать на дерево! – объявила я, помогая ему снять серые шерстяные штаны и спустить трусы с человеком-пауком до колена. Я на мгновение испугалась, что он не согласится, и мне придется тащить на себе описанного ребенка всю дорогу до дома. Но мочиться на свежем воздухе – универсальное мужское развлечение, и он совершил этот обряд с громким смехом, с любопытством поглядывая вниз.

К тому времени как наши пальцы и носы покраснели и мороз начал покусывать кожу, а Роман пометил территорию в трех местах, мы отправились обратно в «Пекановый рай», неся пять пакетов веток, одно сброшенное бурей птичье гнездо и горсть самых красивых камней, которые Джада когда-либо видела. Они

выглядели примерно такими же уникальными, как и гравий на дороге.

– Часы показывали правильное время, когда мы уходили? – спросила Хоуп, меняя время на микроволновке, чтобы оно совпадало со временем на ее телефоне.

– У нас каникулы, – ответила я. – На каникулах за временем не следят.

Но дочь, сморщив лоб, изучала часы на каминной полке, которые отставали на несколько часов. Выходит, не я одна подозревала, что кто-то пробирается в дом и передвигает вещи, посылая нам сообщения. Что же, неудивительно. К счастью, ее беспокоили только странные перестановки, и она ничего не знала о том звуке тиканья, который раздается прямо возле твоего уха, пробиваясь через залитые адреналином барабанные перепонки.

– У нас время постоянно менялось, – она показала на часы. – Раньше. Кто-то приходил и ставил все часы на разное время.

Я не знала об этом, и меня напугало то, что она, ничего не говоря, приводила часы в порядок. Я задумалась, а что еще делал Адам, о чем еще я не знала все те долгие годы, когда была не единственной, кто хранит секреты.

– Здесь могли останавливаться люди из разных часовых поясов, так что они ставили часы на свое время. Я так делаю в отелях, чтобы не запутаться, – я посмотрела ей в глаза. – Никто не знает, где мы. Сюда никто не заходил.

Я была уверена, что говорю правду, и она это видела, но все равно боялась.

Игнорируя плесень и несколько крошечных паучков, Дрю вывалил сокровища из своего пакета на маленький кухонный стол. Мы все расселись вокруг стола, словно по мановению дирижерской палочки, как будто занимались этим каждый день, и начали выкладывать из веточек план первого этажа.

Роман уселся у меня в ногах с тремя перевернутыми кастрюлями и пластиковой миской, выбивая ритм двумя тонкими палочками с таким воодушевлением, словно наярывал на ударных в гаражной группе. Кстати, о гаражах, моя пристройка на три машины получалась симпатичной, но никак не держалась. Стоило кому-нибудь выдохнуть или пошевелить стол локтем, ветки

складывались в абстрактную скульптуру. Дрю закусил нижнюю губу, драматично вздохнул и затем снова начал аккуратно расставлять палочки, взирая на них так сурово, словно мог удержать их на месте одной силой воли.

– Где ближайший продуктовый магазин? Надо завтра отпраздновать День благодарения, – сказала Хоуп, которая доставала из холодильника мясную нарезку на ужин.

– Точно. День благодарения же. Я задумала эту поездку в последний момент и решила, что нам и сэндвичей хватит.

Мне стало грустно. Традиции – важная вещь, особенно когда жизнь летит вверх тормашками. «Эх, – подумала я. – надо было хотя бы захватить в кулинарии копченую индейку вместо ветчины в кленовом сиропе».

– Мы с Джадой все купим, – сказала Хоуп, смерив Джаду поверх моего плеча взглядом, который подсказывал младшей сестре, что, пусть ей и не интересна подготовка к праздничному обеду, ей, черт возьми, придется поучаствовать.

Я сделала вид, что ничего не заметила. Девочкам будет полезно поработать вместе. Как старшая дочь и старшеклассница, Хоуп любила покомандовать, что редко нравилось свободолюбивой Джаде. Она училась в шестом классе и бунтовала каждый раз, когда задание казалось слишком похожим на работу.

– Тут есть маленький рынок милях в пяти. Там вряд ли большой выбор, но я уверена, что вы что-нибудь найдете. Будет весело.

Хоуп и Джада поднялись на второй этаж с блокнотом и карандашом, чтобы распланировать наш праздник. Если они вернуться, не устроив кровопролития, это будет чудом.

– В багажнике есть набор для шитья, – сказала я Дрю. – Как думаешь, может, нам связать углы вместе, чтобы не собирать дом каждый раз заново?

Он взял ключи от машины и вышел. Дрю долго не возвращался, и я решила за ним не ходить. Я не знала, как помочь моему почти взрослому сыну справиться с гневом и чувством вины за прошлое, а тем более, как построить для него новое

будущее. Мы сидели бок о бок, строя вместе домик из веток, словно три поросенка, и, возможно, на сегодня этого было достаточно.

Я крутила в пальцах гвоздь – я воображала его чем-то вроде волшебного боба, из которого может вырасти дом, – пока Роман не заметил его и не захотел забрать.

– Мой, – сказал он.

– Твой, – согласилась я, одновременно протягивая ему печенье, чтобы его отвлечь.

– Ом-ном-ном, – он прошелся по комнате вперевалку, словно Годзилла по Токио. – Монстр Коржик. Ом-ном-ном.

Дрю протиснулся в дверь с швейным набором под мышкой и охапкой веток в полметра длиной.

Роман подбежал к нему, крича: «Монстр Коржик!»

Поскольку Дрю полагалось отреагировать, он погнался за Романом, топая и рыча, пока тот, хихикая, не довел себя до приступа икоты.

Я набросала план этажа в блокноте семь на двенадцать сантиметров, который лежал возле телефона. Дрю рухнул на свой стул, изучил план, взял карандаш и начал рисовать собственную версию на следующей странице.

Хоуп и Джада сбежали по лестнице, топая громче, чем стадо слонов. Судя по всему, обошлось без крови, но нос Джады покраснел, а глаза опухли. Я хотела ее обнять, но она не просила, и я берегла ее достоинство.

– Мы быстро, – сказала Хоуп, хватая ключи со стола и размахивая листком. – У нас есть список.

Никто не умеет планировать обеды и вечеринки так, как Хоуп, но меня немного волновало, что будет, когда она заглянет в крошечный магазин и не обнаружит там самого необходимого.

– Проявите фантазию, – посоветовала я и ткнула Дрю ногой, когда он ухмыльнулся. – Это не магазин Kroger. Тут обычно туристы покупают продукты, которые они забыли взять для похода, а не готовятся к званым обедам.

Дрю бросил мне блокнот. На своем листе он пометил спальни нашими инициалами и написал «Каморка Гарри Поттера» возле лестницы, заставив меня заулыбаться. После всего, что он пережил, он еще верил в волшебство. Я перелистнула страницу, использовала его план как основу, сделала некоторые изменения и метнула блокнот обратно. Я добавила комнату под названием «Будущая библиотека», которая могла использоваться как спальня, пока один или двое детей не пойдут в колледж.

Он поджал губы, кусая внутреннюю сторону щеки. Это была привычка, от которой я пыталась его отучить с тех пор, как у него вырос первый коренной зуб. Он кивнул в ответ на мой взгляд и оставил щеку в покое. На следующей странице он набросал фасад дома, разместив окна и дверь так, чтобы они соответствовали продуманной нами внутренней планировке.

Ничего сложного, просто двухэтажный прямоугольник со спальнями на втором этаже, прихожей, кухней, гостиной и библиотекой на первом. Я добавила ставни на окнах, подписав «шоколадно-коричневые», и наметила крыльцо с высокими колоннами. Дрю поднял брови и кивнул.

Он взял карандаш и нарисовал мастерскую. Я добавила домик на дереве, а он пририсовал веревочную дорогу и стену для скалолазания. На лужайке заднего двора, рядом с домиком на дереве, я нарисовала круг и написала «Алмазные копи». Дрю добавил портал в параллельный мир, но затем вернулся к интерьеру второго этажа и стал дорисовывать туалеты или душевые, а я тем временем скомкала из бумаги мячик для Романа.

О чем я только думала? Я давала детям ложную надежду, позволяла им планировать дом, который, возможно, был для нас настолько же недостижим, как портал в иное измерение. Я вынула гвоздь из кармана и крутила его в пальцах, пока Роман играл в баскетбол, кидая мяч в корзину для белья. Потом он забрался в нее сам и объявил: «Я – кораблик! У-и-и-и!»

Он подпрыгнул, устроив кораблекрушение, когда распахнулась дверь. Роман приземлился на руки, но все равно захныкал. К моим ушам прилила кровь.

Джада и Хоуп выглядели как вьючные мулы, обвешанные пакетами с покупками, их щеки порозовели от прогулки на свежем воздухе. Что-то явно пошло не так. Лицо Хоуп было напряженным, и я через комнату слышала ее взволнованное дыхание. Дрю поднялся так быстро, что его стул перевернулся, как и корзина-корабль Романа.

– Бах, – сказал Роман, ударяя ладонями по истертым половицам. – Бах. Бах. Бах.

Дрю обошел Хоуп и запер дверь на засов и цепочку прежде, чем я встала на ноги.

– Что? – спросила я шепотом, задыхаясь. – Что случилось?

Хоуп покосилась на Джаду. Но я объявила:

– Мы больше не притворяемся. Мы ничего друг от друга не скрываем. Мы можем говорить правду.

Хотела бы я, чтобы это действительно было так, но на самом деле я все еще боялась как произносить некоторые слова вслух, так и слышать их.

– Мне кажется, что какая-то машина преследовала нас от парковки, пока я не свернула на проселочную дорогу, – она сглотнула ком в горле и прижала к себе пакеты так крепко, что из хлеба и яиц, наверное, получился французский тост. – Нужно было поехать другой дорогой. Нужно было попытаться сбросить его с хвоста.

Дрю подался вперед, размахивая руками:

– Никогда не гоняй как маньяк, даже чтобы оторваться. Ты правильно поступила. Оставайтесь внутри. Мы вызываем полицию.

Джада бросила пакеты и побежала наверх. Пришло время мне поговорить с ней. Рассказать ей жестокую правду. Только не всю. Старшие дети не знали всего или даже половины всего, но они знали достаточно, чтобы всегда оставаться начеку. Джада была совсем маленькой, когда я вышла замуж за Адама и когда спустя какое-то время его поразила шизофрения. Он превратился в кого-то

настолько пугающего, что многие годы после развода мы все равно смотрели на мир сквозь замочные скважины и зеркала заднего вида.

Я подхватила пакеты, которые держала Хоуп, и сказала:

– Все в порядке. Никто не может знать, что мы тут.

– С чего ты взяла?! – выкрикнула она.

– Я забронировала коттедж в интернет-кафе и расплатилась с нового счета. Мы не упаковывали вещи заранее, и я даже не говорила вам, куда мы едем. Вы не знали, где мы, пока мы не остановились и не разгрузили машину. По дороге я несколько раз останавливалась в точках, откуда мне было бы видно, если бы нас кто-то преследовал, – я немедленно пожалела, что рассказала им так много. – Мы в безопасности.

Они замерли, широко раскрыв глаза, – начали понимать, что все это значит. Они высчитывали степень опасности. Код красный. Значительная опасность.

Роман потянул меня за штанину, и я посадила его на бедро.

Как бы мне ни хотелось верить, что его это не коснется, он чувствовал страх и гнев, которые настолько сгустились в воздухе, что волны негативных эмоций вполне могли раскачать его маленький кораблик.

Пытаясь подбодрить их, я позволила им узнать, что нам и правда угрожала опасность, и, более того, показала, что прятаться необходимо. Можно ли перебраться с честностью? Я считала, что можно и что я сейчас перешла опасную черту. С другой стороны, если они не узнают об опасности, они не будут начеку. Жизнь стала слишком сложной, слишком серой. Я скучала по своей молодости, когда я знала все и мир четко делился на черное и белое.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Американский шестой размер обуви – это российский тридцать пятый или тридцать шестой. Восьмой – это тридцать седьмой с половиной, а девятый соответствует российскому тридцать девятому. Здесь и далее прим. перев.

2

Программа «12 шагов» используется сообществом «Анонимных алкоголиков» и аналогичными организациями для зависимых людей. Первый шаг заключается в том, чтобы признать свое бессилие перед зависимостью.

3

Гамби – зеленый пластилиновый человечек из американского мультфильма.

Купить: https://tellnovel.com/ru/brukins_kara/dom-kotoryy-postroil-sem-yu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)